

БЕСЕДЫ

УДК 215

Теология в новой парадигме**Д. В. Шмонин*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Шмонин Д. В. Теология в новой парадигме // Вопросы теологии. 2023. Т. 5, № 3. С. 494–508. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2023.309>

Беседа с директором Института теологии СПбГУ, профессором Санкт-Петербургской духовной академии и Общецерковной аспирантуры и докторантуры, председателем экспертного совета ВАК при Минобрнауки России по теологии, главным редактором журнала «Вопросы теологии» Д. В. Шмоным посвящена месту и роли теологии в отечественном академическом и образовательном пространстве. Затронуты следующие темы: теология и мировоззрение; нормативность теологии в современном обществе; конфессиональность теологии; специфика религиозного мышления в трех авраамических традициях, а также в буддизме; теология и религиозная традиция; критика в теологии как науке; значимость античного и средневекового наследия; специфика отечественного опыта присутствия теологии в образовательном пространстве. Поставлены вопросы о статусе так называемой экуменической теологии и англо-американской «философии религии», выступающей в качестве внеконфессиональной апологетической теологии. Обсуждается соотношение догматического ядра теологии и научно-богословских исследований на полях этого неизменяемого ядра. Автор предлагает в связи с теологией говорить о новой образовательной парадигме, не повторяющей древнюю (что невозможно в современных условиях), но черпающей из нее ценное и актуальное. Главная задача — закрепить в отечественном контексте за теологией надежное место в качестве академической дисциплины (или набора дисциплин) в рамках современного гуманитарного знания, в том числе передаваемого в образовательном процессе. Настоящая беседа — вклад в продолжающуюся дискуссию о теологии как науке и в институциональном, и в предметном отношении.

* Беседовал А. И. Кырлежев.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

© Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2023

Ключевые слова: теология, наука, мировоззрение, нормативность, авраамические религии, экуменическая теология, богословское творчество, высшее образование, гуманитарное знание.

Александр Кырлежев: *Дмитрий Викторович, вы недавно опубликовали две книги, посвященные проблемам понимания теологии, а также ее места в системе образования, прежде всего в университете¹. В этом разговоре хотелось бы не только кратко представить ваше видение, но и прояснить вашу позицию по некоторым вопросам, порой дискуссионным. Позволю себе задать первый вопрос, так сказать, в развернутом виде.*

Цитата из вашей второй книги: «Дух эпохи Просвещения усиливает секулярные мотивы: теология перестает быть высшей наукой с точки зрения описания мира природы, но остается нормотворческой ценностно-мировоззренческой дисциплиной». Вы очень часто используете в связи с теологией термины «ценности», «нормы», «мировоззрение» и т. п. Не все они, на мой взгляд, подходят для описания «религиозной эпохи», в том числе так называемого христианского мира исторического прошлого. Нормы, конечно, существуют в любой культуре, а вот ценности и мировоззрение (в специальном значении этого термина) — не всегда. Вспомним, что Мартин Хайдеггер считал одной из черт Нового времени перетолковывание христианства в мировоззрение.

Дмитрий Шмонин: Вот с этого перетолковывания все и началось... А если серьезно, то о мировоззрении я говорю в широком, почти обыденном смысле. И сослался бы не на Хайдеггера, а скорее на то, как мировоззрение понимали Дильтей или Шелер. Для Шелера это ценностная сетка, сплетенная социально-историческим опытом. Каждому человеку присущи мировоззренческие начала, живущие в опыте поколений, в исторической памяти. А вот задача специалистов — обобщить и понятийно выразить нормы, описывающие идеальное содержание мировоззрения народа. Шелер в качестве языка описания подразумевает философию, метафизику, но это может быть и теология.

Или взять Дильтея — у него мировоззрение тоже связано с опытом и зависит от жизненной позиции конкретной личности, от «психического целого». Воля человека тянется к оценочным установкам, к устойчивому описанию мира, т. е. к мировоззрению.

Кстати, и Хайдеггер в ранних работах описывает мировоззрение вполне похожим образом: есть некая естественная установка, исходя из которой познающий субъект осваивает познаваемые объекты, а общая картина этих объектов — предмет мировоззрения. И о теологическом средневековом мировоззрении он говорит как о том, что «держит» этот вполне гармоничный христианский мир, придает ему устойчивость.

¹ Шмонин Д. В.: 1) Тайна ответа: введение в рациональную теологию. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской духовной академии; Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2021; 2) Теология и университет: учеб. пособие для аспирантов теологических специальностей. М.: Моск. архитектурный ин-т, 2022.

То же — с ценностями: я использую это слово в общепонятном смысле, «по умолчанию». Иначе пришлось бы заниматься бесконечными определениями, уточнениями, ограничениями понятий, размышлениями о том (вновь вспомним Хайдеггера), возможно ли вообще ценностное мышление, не обесцениваем ли мы до нуля то, о чем начинаем говорить в категориях ценностей, и т. д.

Что такое ценности в этом широком, работающем в различных исторических эпохах и культурах смысле? — То, что придает эстетическую, этическую, социальную значимость тем или иным вещам, материальным в том числе, в нашем понимании. В Античности ценно то, что наделено благом, и надо стремиться к этим ценностям. Уже здесь этическое — в центре.

Шелеровский «практический опыт» рождает в человеке ощущение объективных ценностей. Они бывают разные. Применительно к образованию и с опорой даже не столько на Шелера, сколько на Хабермаса, я описал это так: ценности экзистенциальные, прагматические (инструментальные), абсолютные. В христианской культуре акцент понятен: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф 6:21). Это любовь к благу, красоте, истине, бытию. Как свт. Василий Великий, например, говорит: стремление ко всему прекрасному соединяется с необходимым долгом и обретает черты любви к Богу. И тогда мы осознаем абсолютные ценности и тянемся к ним. Этот смысл в системе образования никак не решаются обнажить. Маскируют затертым до невозможности словосочетанием «духовно-нравственные ценности». И вот одна из задач теологии, в том числе университетской, состоит в том, чтобы очертить нравственные границы, показать образ, вернуть конкретику.

А. К.: Поясните: как теология, взятая в широкой перспективе, может быть нормативной, ценностной и мировоззренческой — в современном мире XXI в.? Для общества в целом, а не для отдельных его секторов, групп?

Д. Ш.: Сначала о принципиальной возможности теологии... На ценностную нормативность претендовали большие философские системы. Современные философы тоже оставляют за собой право «нормировать» и «оценивать». В общем, это нормально для лидеров общественного мнения или тех, кто таковыми хочет считаться. Почему же теология, которая тысячелетия выполняла эту роль, а потом выдержала несколько столетий секуляризации, пройдя сквозь тэйлоровский «Секулярный век»², должна оставаться в «загоне приватности»? У нее по крайней мере не меньше прав и совокупного ресурса. Так что, считаю, что принципиально — может быть. А значит, должна.

Другое дело — ваш справедливый вопрос: что это будет за теология в нашем сверхдинамичном и пестром мире? Упаси Господи, под видом широкой перспективы пытаться изготовить некий синтетический продукт, «одну-единственную» теологию, абстрактно-обобщенное изложение

² Тейлор Ч. Секулярный век / пер. с англ. М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2017.

«ценностей традиционных религий», какую-нибудь «бедную теологию» или новый идеологический «шедевр».

Теология конфессиональна. Ее наличие, собственно, свидетельствует о традиционности и мировой значимости конфессии или религии. Следовательно, теологических учений по крайней мере несколько. Они связаны друг с другом, в определенной части пересекаются, в значительной мере различны. Из этого надо исходить, прописывая базовые идеи, принципы. И конфессиональность теологии — не повод для разделения. Акценты и на разнообразие, и на общие смыслы и ценности. Надо искать подход, чтобы донести их до каждого «сектора».

Вот у Куприна в «Поединке» описывается, как новобранцы в полку присягали царю, империи. Батюшка принимал присягу у православных, ксендз — у католиков, офицер-немец фон Диц, за неимением пастора, — у протестантов, а поручик Бек-Агалатов — у мусульман. Тут и общее, и особенное. Или срез этой же темы под другим углом в романе Йозефа Рота «Марш Радецкого»: на маневрах на самом восточном краю Австро-Венгрии, в местечке, где был только православный храм, император Франц Иосиф сначала молится на мессе, а потом в том же храме служит литургию православный священник, и после этого уже начинаются учения.

Кстати, в русских университетах XIX в. студентам-иноверцам православное богословие не читалось. Не знаю, правда, замещалось ли им это какими-то другими занятиями.

Но христианские империи с их возможностями, подходами, почтенной старинностью пали сто лет назад. Сейчас ситуация в обществах, в образовании совершенно другая. Замахиваться на глобальный уровень не будем. Надо идти, отталкиваясь от уже проясненного нами смысла мировоззрения как интегрального опыта определенного народа, семьи народов, нации.

Содержательно это ценностно-мировоззренческое ядро христианства, других традиционных религий, изложенное в их священных текстах, в главных текстах культуры, а также в теологических и религиозно-философских доктринах. Их нужно изучать: свою — углубленно, с позиций инсайдера, с учетом собственного опыта; другие — нейтрально-благожелательно, факультативно, с тем чтобы, фиксируя различное, найти общее.

А. К.: *А если студент не причисляет себя ни к одной из религий?*

Д. Ш.: Если студент позиционирует себя как скептик, атеист или как представитель внеконфессиональной «бедной религии», то я бы предложил ему взамен теологии другую дисциплину (как при альтернативной службе в армии): например, в два раза более длинный этико-аксиологический курс, в котором он все равно получил бы знания о религиозных корнях базовых ценностных принципов. Вполне законный «заход через культуру».

Важнее другое: кто сможет преподавать такие теологические (или аксиологические) курсы. Ведь преподаватель теологии должен быть теологом и по диплому, и по вере. Кроме того, желательно, чтобы он, будучи теологом своей традиции, был одновременно религиоведом-культурологом в области

остальных традиций, т. е. с верой и глубокими знаниями своей теологии, знаниями основ других теологических учений и умением преподавать, т. е. быть в университетской аудитории не миссионером-катехизатором, но благожелательным, знающим специалистом. Больше десяти лет мы с коллегами анализируем этот комплекс проблем. Очевидно, что трудности преодолеваются только системно, с пониманием и привлечением усилий власти, религиозных организаций, научно-образовательного сообщества, с пониманием в обществе того, к чему теологический компонент в образовании.

А. К.: Понятно, что условно теологический компонент важен для образования — как на среднем, так и на высшем уровне. И не только для гуманитариев (где это императивно), но и для образованного класса вообще. Особенно это касается так называемых постатеистических обществ. И вопрос, конечно, именно в том, как его подавать. Мне кажется, что вы отсылаете к исторически изжитой парадигме. Ибо сейчас нет и не может быть никаких всеобщих теологических норм — разве что в обществе типа Ирана.

Д. Ш.: Не к изжитой парадигме, а к новой. Но она еще только намечается, готовится прорасти. И наша с вами беседа — несколько капель из лейки на семена в земле.

Еще раз: да, теологический компонент в образовании важен. Как и философско-культурологический. Как и религиоведческий. Нужно умудриться сделать так, чтобы они, эти компоненты, были объединены и подогнаны друг к другу и по форме, и по содержанию, как хороший дореволюционный паркет. Не должно быть безразличия к коллегам-смежникам (одна крайность) и ревности (другая крайность). Задача в том, чтобы содержательно продуманные блоки философии, культурологии, религиоведения и теологии в нашем образовании друг с другом *складывались*, давали максимальную сумму и с точки зрения приобретения учащимися знаний, и с точки зрения обретения и укрепления их ценностного мировоззрения, формирования личности, как любят говорить педагоги. Это общее соображение, касающееся новой образовательной парадигмы, о контурах которой я уже писал неоднократно и необходимость которой в нашей предметной области начинает проступать, в основном, к сожалению, под воздействием внешних обстоятельств.

А вот как сделать, чтобы преподавание осуществлялось не «в изжитой парадигме»?..

В 1943 г. была создана Академия педагогических наук. И сразу сформировали четыре института: НИИ теории и истории педагогики; методов обучения; психологии; дефектологии. Не думаю, что Сталину нечем было заняться в переломный год Великой Отечественной войны. Названия этих педагогических НИИ отражали проблемы, стоявшие перед системой образования. Кстати, в том же году было принято решение о выборах русского патриарха.

К чему я об этом вспомнил? К тому, что сейчас, по моему мнению, перед нами проблемы не менее сложные: методологические, методические, организационные, финансовые.

А. К.: Один из самых проблемных моментов, на мой взгляд, — это идея трансрелигиозной теологии, даже в рамках так называемых авраамических религий. Вполне понятно, как эта идея возникла и реализовалась в российском институциональном контексте...

Д. Ш.: Да, в российском контексте мы уже более или менее привычно говорим о межрелигиозной, поликонфессиональной программе развития теологии. Но сама по себе теология не может быть трансрелигиозной или поликонфессиональной. Кстати, ее предметные области в паспортах научных специальностей обозначены осторожно: «конфессиональные исследовательские направления: православие, ислам, иудаизм». Недавно добавился протестантизм как еще одно направление. С точки зрения взаимодействия государства, религиозных организаций и научного сообщества — это конвенция, согласие участвовать в программе, которая в чем-то меняет исторические традиционные представления о теологии.

А. К.: Но ведь это вопрос по существу! Совершенно очевидно, что ни в иудаизме, ни в исламе нет теологии, соответствующей христианскому ее пониманию (в разных конфессиях). Тем более, когда вы утверждаете, что именно христианская теология является вершиной (видимо, среди трех авраамических). Здесь я вижу конфликт двух разных измерений: 1) теология как институционально оформленная дисциплина в конкретном контексте (российском, а также в других) и 2) типологически, структурно и содержательно различные феномены религиозного мышления, характерные для трех так называемых авраамических религий.

Д. Ш.: По поводу вершины и возможного конфликта. Вот мы — двое беседующих друг с другом инсайдеров одной традиции. Мы верим, обладаем определенным, понятным друг другу личным духовным опытом и профессиональными компетенциями теологов (конечно, каждый в той или иной мере и в своей области). Для нас наша традиция действительно несет истину, это вершина теологии. Другие — скажем аккуратно — тоже ее выражают, причастны ей. С их стороны ситуация может видаться зеркально, их традиция максимальную истину несет, остальные — с долей искажения.

Объективно (кстати, в схоластической теологии объективное понятие — это в первую очередь объект божественного ума, объект в его истинной сути, а уж во вторую очередь вещи отражаются в уме конкретного человека!) — объективно истина онтологична, она — в Боге. И с этой точки — все мы смотрим на нее через *тусклое стекло*, гадательно.

О гранях теологической рациональности в разных религиях. Как историк философии по базовому образованию, готов подтвердить: в иудаизме и исламе на уровне рационального описания доктрин, на уровне метафизики ровно столько теологии, сколько аристотелизма. История и разные пути *translatio studiorum* хорошо описаны в литературе, поэтому ограничусь подтверждением правоты вашего тезиса об отсутствии соответствия. Если сравнивать с магистральным путем патристики и схоластики, если иметь в виду восточный синтез мистического и рационального, апофатики и ка-

тафатики, то теология в полной мере — это христианство, в максимальной полноте и точности — православие (это я добавляю как православный человек). Но это касается формы, образцового стиля, богатой истории вопроса, которые демонстрирует интеллектуальная история религии спасения. А в мусульманских или иудейских учениях иная структура, иные формулы. Ну и что? Это, кстати, описано и в институционализирующих документах — паспортах научных специальностей. Однако даже наличие сходной «рациональной части» у трех авраамических религий, которые по-своему выражают доктринальное ядро, свидетельствует о единстве самого предметного пространства теологий или теологии (в целом). Иначе Ибн Сине, Ибн Рушду и Маймонида не к чему было бы «прикрутить» аристотелевскую метафизику с богатыми неоплатоническими вкраплениями.

А. К.: *Согласен, что религиозное мышление, которое условно можно было бы назвать теологическим, существует и в других религиях, но в том числе и в так называемых нетеистических. И потому вопрос: почему авраамические религии здесь выделены как главные?*

Д. Ш.: Потому что речь идет не о равенстве прав вероисповеданий, религиозных организаций, движений и групп. Здесь «свободы иметь» недостаточно. Здесь надо представить вероучение, облеченное в форму доктрины, которая имеет свое рациональное выражение, т. е. священные тексты, богословские труды, историю традиции, исследования, школы, диссертации, публикации — наукометрию и общественное признание! Не признание, что «такие-то верования имеют место», а авторизованное наукометрическое выражение теологических учений. Традиционные христианские конфессии, иудаизм и ислам в различных своих направлениях это имеют. Религиозно-философские доктрины буддизма, несмотря на неавраамический характер и вопросы к статусу божественного начала в этой религии, — тоже имеют. И вот, владея почтенной и признанной традицией, буддийское религиозное сообщество серьезно думает о том, как включаться в программу институциализации теологии. И вокруг этого идут дискуссии, кстати не один год.

Так что это не конфликт теистического и нетеистического мировосприятия в различных учениях. Это вопрос наличия развитой теологии в данной религиозной традиции, вопрос самоидентификации ее адептов, осознающих себя теологами, и вопрос признания научным сообществом. Так сказать, «доброго свидетельства от внешних». Притом что к этому теология не сводится. Надо всем этим — внерациональное вероучительное начало соответствующей религии, вера в которое и причастность которому помогает теологу авторизоваться в качестве конфессионального специалиста в науке.

А. К.: *В ваших книгах очень много исторического материала. Но это в основном материал, относящийся к очень отдаленным эпохам — Античности и Средневековью. Вы даже обозначили в первой книге: «За рамками нашего “Введения в рациональную теологию”... остается развитие православного богословия и конфессиональных теологических учений западно-*

го христианства Нового и Новейшего времени»³. Такой мостик — между древностью и нашей современностью, минуя промежуточные стадии, — что он вам дает? Ясно, что мы сейчас живем в типологически совсем другом обществе. И вы сами показываете, как менялись, скажем, западная теология и ее присутствие в университете на протяжении столетий. Какой урок можно сегодня извлечь из давней истории теологии и ее присутствия в тогдашней высшей школе?

Д. Ш.: Лично мне такой подход дает экономию времени и «выразительных средств». В свое время (в двух первых монографиях⁴) на материале второй схоластики я проработал период перехода от теологии к философии Нового времени, момент смены логик, когда гармоничное теологическое мировоззрение перестало быть универсальным, становясь все более секулярным, с одной стороны, и конфессионально дробным — с другой. Этот кейс был для меня оптимален, чтобы оценить последующие стадии секулярной образовательной парадигмы, весьма хорошо описанные. Желание осмыслить опыт и ресурс христианской парадигмы сфокусировало дальнейшие штудии по истории, философии и теологии образования именно на том полуторатысячелетнем отрезке. Сейчас, в третьем десятилетии XXI в., на наших глазах прорастает новая парадигма, и я вижу задачу в том, чтобы использовать главное, лучшее и наиболее адекватное для будущего, выработанное христианской теологией, теологией *образования*; не стесняться черпать оттуда. Так что главный урок такой: теология в университете должна быть. Как полноправный член семьи гуманитарных дисциплин.

А. К.: *Восток и Запад. Вы много пишете о различиях между ними применительно к теологии и образованию. Не могли бы вы кратко (так сказать, концептуально) обозначить эти различия? Насколько они существенны? Как здесь можно увидеть общее и различное?*

Д. Ш.: И в «Тайне ответа», и в «Теологии и университете» я писал о том, почему, в отличие от средневекового Запада, автономная от церкви школьно-университетская система на Руси не сложилась. Практически до начала XVIII в. достаточно узкий круг людей исполняли функции священнослужителей, наставников и учителей одновременно. И государевых чиновников, кстати. Школа в русской традиции была на протяжении столетий неотъемлемой от храма, монастыря, церковно-славянской письменности и христианской литературы, от единой общины.

Как-то ведь это происходило... Подвижник закладывал храм, вокруг него подвизались ученики, строящие монастырь. При храме была школа, строились монастырские стены. Монастырь обрастал посадом, создавалась община. Не было никакой автономной сети университетов, не было ученых степеней и защит (которые в западной системе стали своего рода суррога-

³ Шмонин Д. В. Тайна ответа: введение в рациональную теологию. С. 417.

⁴ Шмонин Д. В.: 1) Фокус метафизики. Порядок бытия и опыт познания в философии Франсиско Суареса. СПб.: С.-Петербург. гос. горный ин-т (техн. ун-т), 2002; 2) В тени Ренессанса: вторая схоластика в Испании. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006.

том возведения в священный сан, присвоения церковных наград или архиерейских хиротоний). Не было в городах «наций» школяров и корпораций магистров. Все это появляется лишь в эпоху петровской модернизации, вместе с которой приходит и система учебных заведений, и разделение их на светские и духовные, притом что взамен свободных магистров мы видим чиновников. Богословское ядро в образовании сжимается, но приходит секуляризация образования, увеличение сети школ и вузов, массовый поток. И секулярная образовательная парадигма заходит к нам.

А. К.: Традиция и конфессия. Эти термины вызывают разные вопросы. Что такое «традиционные религии» и «традиционные христианские конфессии»? Где критерий, позволяющий что-то назвать традиционным? Или, по-другому, в чем смысл этих употребляемых вами терминов? Скажем, протестантизм разных изводов в России уже давно стал традицией. А в исламе, в том числе российском, немало инноваций, которые при этом их адептами связываются с очень долгой традицией. Как это, в частности, соотносится с феноменом так называемых изобретенных традиций? Определите понятие традиции вообще и конфессиональной традиции в частности.

Д. Ш.: Знаете, лет пятнадцать назад в Казахстане, во время долгой дороги по степи, кажется, из Алма-Аты в Астану, я случайно услышал в автобусе в разговоре двух протестантских пасторов хороший ответ на вопрос о традиционности — а они как раз рассуждали между собой о том, что и их пятидесятническую общину кто-то несправедливо причислил к новым религиозным движениям. Обменивались аргументами. И тут один из них произнес фразу: «Ну какие мы традиционные? У нас же нет своего кладбища». Неплохой тест для начала, мне кажется, особенно если не хочется уходить в область юридического. А уходить не хочется, поскольку здесь есть «вилка», с помощью которой можно запутать дело. Законодательство о свободе совести и вероисповеданиях, по-моему, устанавливает какие-то параметры, в том числе временные сроки. Но это о религии. А если о теологии как науке, то здесь надо руководствоваться законодательством о науке. Отталкиваясь от правового аспекта, обратимся к научно-содержательному. И тогда, я думаю, должны работать другие критерии, о которых я уже говорил: наличие письменной богословской традиции, образовательных институций и научных школ, публикаций, диссертаций, всего того, что можно «потрогать» и сказать: да, это традиция, которая влияет на интеллектуальную и духовную культуру страны. А поскольку институции не могут появиться «откуда ни возьмись», они принадлежат определенной конфессии, религиозной организации.

А. К.: Экуменическая теология. Судя по всему, вы к ней относитесь негативно. Однако вы не даете квалифицированного определения этого феномена. Я бы различил две вещи: 1) собственно экуменическую теологию (т. е. то, что создано и создается в экуменических теологических «комиссиях»); 2) межконфессиональное теологическое взаимодействие и взаимовлияние. Они взаимосвязаны. Есть общее христианское теологическое поле — в силу единства его скриптуральных оснований и раннехристианской истории

церкви. Хорошо известны теологические взаимовлияния в разные периоды разделенного христианства. Вы, например, пишете о факте восприятия в нашей Церкви позднесхоластических образовательных моделей — через Киев, в чем были и плюсы, и минусы. Как правильно соотносить теологическое общехристианское и теологическое конфессиональное? Ведь именно экуменизм прошлого века не просто поставил этот вопрос, но и по-разному на него отвечал...

Д. Ш.: Не моя тема, честно говоря. Соглашусь с вашим различием двух пластов в экуменизме. Если образно, то, наверное, это как лоза: общие корни и разные ветви, побеги, сучки, плоды, наконец. Сухие части отпадают. Для любого из конфессиональных кустов общее органично внутри него, как корневое, «несущее-конструктивное», как общие ткани и соки. Но это для того, чтобы определить, зафиксировать общее и различное при начале взаимодействия, — так бы я сказал.

Говорить об экуменической теологии в первом смысле, о котором вы упоминаете, не готов. Просто потому, что не вижу здесь собственно богословской перспективы, и здесь, наверное, заключен мой пессимизм по отношению ко всему этому. Продуктивно можно говорить о различных уровнях диалога между конфессиями. Мне кажется, правильно делают в разных самых форматах межхристианских форумов, совещаний и рабочих групп, когда «на берегу» фиксируют, во-первых, совпадающее, во-вторых, принципиально не совпадающее, относительно которого договариваются не спорить, и начинают решать общие для сторон конкретные задачи: где уместно — с братской любовью, где нет — с нейтрально-благожелательным уважением. На этом основании, например, можно заимствовать подходы к построению педагогических концепций. Я имею в виду католическую теологию образования. Вместе с тем, когда начинаешь изучать эти примеры, понимаешь, что применение этого опыта у нас может быть весьма и весьма ограниченным.

А. К.: Давайте коснемся так называемой философии религии, англо-американской, которая, конечно, скрывает присущее ей теологическое качество, но в своих контекстах выступает прежде всего как апология христианской теологии. Вы негативно о ней отзывались, если я вас правильно понял. Однако это мощный тренд в нынешнем философско-теологическом дискурсе. Здесь нельзя не упомянуть таких православных по конфессиональной принадлежности авторов, как «старец» Ричард Суинберн, а также Дэвид Брэдшоу (он ассоциирован с этой группой), на которого вы ссылаетесь (я переводчик его книги «Аристотель на Востоке и на Западе: метафизика и разделение христианского мира»⁵). К этому направлению можно относиться по-разному, и я сам не являюсь его, так сказать, сторонником. Объясните свое неприятие этой внеконфессиональной теологии (если это действительно так).

⁵ Брэдшоу Д. Аристотель на Востоке и на Западе: метафизика и разделение христианского мира / пер. с англ. А. И. Кырлежева, А. Р. Фокина. М.: Языки славянских культур, 2012.

Д. Ш.: Нет, я с уважением отношусь к этому мощному движению в современной философии религии. Мне лишь кажется важным, чтобы мы отличали позицию аналитического философа от инсайдерского положения теолога, например православного, который, конечно же, может обладать компетенциями аналитического теолога. Это вопрос мировоззрения (простите, я снова о том же). И методологии, конечно. Мировоззрения — поскольку оно изначально ставит исследователя-теолога на определенную позицию верующего православного человека. И методологии — поскольку сначала он теолог, а потом, факультативно, дополнительно, аналитический философ.

Об этом я писал в одной из недавних публикаций⁶, вспомнив интервью, которое мне довелось брать у покойного митрополита Каллиста (Уэра). Из беседы с митрополитом Каллистом, а он ссылаясь на свт. Григория Паламу, я извлек подтверждение многих моих мыслей об этом.

Различие между теологом и философом (не-теологом) проходит в двух плоскостях. Первая — личная вера богослова, его сопричастность литургической жизни, его молитвенный опыт. Вторая — профессионализм теолога, богословская и философская эрудиция, знание предмета. Вера и знание складываются и дают «двойную тягу» — тот эффект, который и необходим для сохранения традиции и творчества в теологии. Это и делает теологию формой мировоззрения и отраслью социогуманитарного знания или группой научных специальностей, говоря казенно.

А. К.: Как вообще можно говорить о критике по отношению к своей религиозной традиции? (Не берем здесь, например, «Критику догматического богословия» Льва Толстого.) Вряд ли уместна параллель с критикой в рамках научных дисциплин, всегда открытых к новым парадигмам (говоря в терминах Т. Куна). Иными словами, в данном случае возникает напряжение в самом концепте «теологии как науки». Науки не существуют без компетентной критики, иначе они не развиваются. А религиозная традиция — она развивается? И каково тогда место критики внутри религиозной традиции и ее теологии?

Д. Ш.: В теологии, конечно, основания не критикуются. Догматическое ядро не критикуется. Но почему исследовательская работа богословов или историков церкви должна быть вне критики?

А. К.: Критика в рамках академической научной теологии — это понятно. Но вопрос — о критике своей религиозной традиции. Скажем, в парадигме различения Предания и преданий (что было нормой в нашем диаспоральном богословии), т. е. когда сама традиция как бы раздваивается... Не может быть критики научно-академической без самого вопроса о том, что относится к фундаментальному Преданию Церкви, а что нет.

Д. Ш.: В таком более жестком контексте мне сложно дать «общий профессиональный» ответ, и знаете почему? Потому что как теолог я ближе к периферии, а не к догматическому ядру богословия. Я имею в виду то,

⁶ Шмонин Д. В. Теология и философия науки: проблемы идентификации // Вопросы философии. 2022. № 1. С. 197–207.

чем занимаюсь, — образование, т. е. теологию, философию и в определенной мере историю образования. Но постараюсь все же ответить. Фундаментальное Предание — это Слово, устная передача истин веры, их объективация в Священном Писании, у Отцов, учителей, церковных писателей, в решениях Вселенских соборов. Критика, споры при выработке этих решений были реальностью, о них свидетельствует церковная история. И эти споры включали в себя в определенной мере научно-академические элементы. Они продолжались до того, как под каждым крупным направлением была подведена черта. Учение о Троице, христологическая тематика, последовательное осуждение ересей и т. д. Окончена эта богословская работа по догматическому ядру? Да, есть ощущение гармоничности и завершенности этого богословского процесса становления Предания. Все остальное — под чертой. Иными словами, критика религиозной традиции в рамках ее *теологизации* (в смысле рационализации, выработки «свода богословия») естественна, пока эта традиция еще не стала рационализированной традицией. Дальнейшие разветвления могут появляться там, где не был достигнут *consensus patrum*. Или где в новых исторических условиях кем-то начинает оспариваться то или иное соборное решение. Там прорастают теологумены, частные богословские мнения, новые движения, мультиплицируются предания. Но я говорю исключительно о «фундаментальном».

А. К.: Поставлю еще один жесткий вопрос. Теология в образовательном пространстве кажется инструментом, т. е. такое продвижение теологии в разных ее видах и формах — это прежде всего интоксикация. Или что-то другое?

Д. Ш.: Почему интоксикация?

А. К.: Потому что теология как духовно-интеллектуальное предприятие теологов — это совсем другое.

Д. Ш.: Каких теологов? Магистериум? Кружок по интересам? Отдельные вольномыслящие интеллектуалы?

А. К.: Я имею в виду, что теологическое предприятие — это не всегда систематизация, «схоластизация» (в смысле создания учебных курсов) и бесконечное повторение пройденного ранее. Значимые, креативные теологи всегда дерзают — даже в пространстве какой-то традиции и прежде всего в этом пространстве. (Хотя затем, конечно, через написание диссертаций их теология рутинизируется, становится «нормальной наукой», опять же по Т. Куну.) Именно поэтому теология сродни философии: это не какая-то регулярная мыслительная практика (что вы и показываете в своих книгах), а живой мыслительный процесс, соотносящийся с процессом историческим, в том числе с так называемой историей идей. Как творческое измерение теологии соотносится с ее, так сказать, регулятивными функциями?

Д. Ш.: Как и в любой дисциплине. Есть догматическое ядро (теоретическое, мировоззренческое, «общепарадигмальное» — в смысле Куна), о котором я уже упоминал. То, что «отлито в бронзу», закреплено тради-

цией, — «нормальная наука теология». И есть периферия — поля и пространства для исследования, развития, новых векторов и пр. Об этом в свое время говорил митрополит Макарий (Булгаков), замечая, что «как дело ума человеческого, система православного богословия может изменяться, хотя предмет богословия — христианская вера, как Божественное откровение, неизменен по своему существу». Изменяемость эта может зависеть от свойства частных умов, составляющих систему, от различия точек зрения, от различия целей, наконец, от обстоятельств времени и соответствующих им нравственных потребностей⁷.

Особенность теологии в том, что до температуры плавления бронзы ее довести невозможно... Регулятивное ядро останется. Бифуркационной точки и прыжка к какой-нибудь «постнеклассической» теологии быть не может. Это был бы «вылет с орбиты», выход за пределы смысла, определенного Словом, которым был сотворен мир. Но возможностей для творчества, для мысли — более чем достаточно.

А. К.: Однако где они — эти возможности для творчества, для дерзания?

Д. Ш.: Пример — теология образования, о чем я старался поведать и в «Технологии блага»⁸, и в тех книжках, которые послужили поводом для нашей беседы. Есть история вопроса: от евангельского описания учительной миссии Христа, через апостольских мужей, к великим каппадокийцам и блж. Августину на основе восприятия и переплавки античной образовательной парадигмы и иудейского воспитания; далее развитие христианской системы образования в школьно-университетской схоластике, реформация, иезуитская модель. Все это творчество, причем в теологии и с точки зрения теологии. Затем возвращение к этому в XX в. и в католической мысли, и в протестантской, и, что важно для нас, новый сплав в православном богословии (одна из ключевых фигур — о. Василий Зеньковский, но не буду повторять написанное).

Кроме истории вопроса, который можно и нужно творчески исследовать с точки зрения теологии, есть сам вопрос вхождения, возвращения теологии в высшую и среднюю школу у нас, когда на Западе она очень сильно «за скобками». Что бы ни говорили про административный нажим государства, это имеет отклик и в профессорско-преподавательской среде, и в студенческой. Теология — ресурс новой образовательной парадигмы! И мне кажется, что это живое творчество, дерзновенное.

А. К.: Благодарю за беседу, в которой мы затронули разные аспекты темы и, надеюсь, отразили вашу позицию. Я бы сказал, что предложенное вами видение места и роли теологии в современной «академии» и университете тоже по-своему дерзновенно. Соединить институциональные (если не сказать бюрократические) элементы с содержательными и мировоз-

⁷ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Введение в православное богословие. Тутаев: Православное Братство святых князей Бориса и Глеба, 1999. С. 426.

⁸ Шмонин Д. В. Технология блага: очерки теологии образования. М.: Познание, 2018.

зренческими — дело непростое. Но вы показали, что один из путей — через «наукометрию», которая присутствует уже на завершающих стадиях образовательного процесса. Мне это представляется продуктивным ходом. А это, в свою очередь, связано с другим аспектом, который оказывается и задачей: вернуть и утвердить теологию в качестве одной из академических дисциплин или «куста» таких дисциплин. В то же время сам этот возврат (имею в виду наш контекст — во многих других странах такой проблемы нет) продолжает оставаться дискуссионным, и потому обсуждение теологии в разных ракурсах (некоторые из них мы затронули) все еще актуально. Надеюсь, что такое обсуждение продолжится и мы сможем искать и находить ответы на вопросы, еще не получившие должного освещения и разрешения.

Статья поступила в редакцию 20 апреля 2023 г.;
рекомендована к печати 22 мая 2023 г.

Контактная информация:

Шмонин Дмитрий Викторович — д-р филос. наук, проф.; d.shmonin@spbu.ru

Theology in a new paradigm*

D. V. Shmonin

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Shmonin D. V. Theology in a new paradigm. *Issues of Theology*, 2023, vol. 5, no. 3, pp. 494–508. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2023.309> (In Russian)

Interview with Dmitry Shmonin, Director of the Institute of Theology of St. Petersburg University, professor of St. Petersburg Orthodox Theological Academy and ss. Cyril and Methodius Institute for Postgraduate and Doctoral Studies, Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia in Theology, editor-in-Chief of the journal “Issues of Theology”. D. V. Shmonin is devoted to the place and role of theology in the domestic academic and educational space. Topics covered include: theology and worldview; normativity of theology in modern society; confessionality of theology; the specificity of religious thinking in the three Abrahamic traditions, as well as in Buddhism; theology and religious tradition; criticism in theology as a science; the importance of ancient and medieval heritage; the specifics of the domestic experience of the presence of theology in the educational space. Questions were raised about the status of the so-called ecumenical theology and the Anglo-American “philosophy of religion” as a non-denominational apologetic theology. The relationship between the dogmatic core of theology and scientific and theological research “on the margins” of this unchanging core is discussed. The author proposes, in connection with theology, to talk about a new educational paradigm that does not repeat the ancient one, which is impossible in modern conditions, but draws valuable and relevant from it. The main task is to secure a reliable place for theology in

* Conversation was held by A. I. Kyrlezhev.

the domestic context as an academic discipline (or a set of disciplines) within the framework of modern humanitarian knowledge, including that transmitted in the educational process. This talk is a contribution to the ongoing debate about theology as a science, both institutionally and substantively.

Keywords: theology, science, worldview, normativity, Abrahamic religions, ecumenical theology, theological creativity, higher education, humanitarian knowledge.

References

- Bradshaw D. (2012) *Aristotle East and West: Metaphysics and the Division of Christendom*. Rus. ed. Transl. by A. I. Kyrlezhev, A. R. Fokin. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ. (In Russian)
- Makarii (Bulgakov), metropolitan (1999) *Introduction to Orthodox Theology*. Tutaev, Pravoslavnoe Bratstvo sviatykh kniazei Borisa i Gleba. (In Russian)
- Shmonin D. V. (2002) *Focus of metaphysics. The order of being and the experience of knowledge in the philosophy of Francisco Suarez*. St. Petersburg, St. Petersburg State Mining Institute (Technical University). (In Russian)
- Shmonin D. V. (2006) *In the shadow of the Renaissance: The second Scholastics in Spain*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press. (In Russian)
- Shmonin D. V. (2018) *Technology of good: Essays on the theology of education*. Moscow, Poznanie Publ. (In Russian)
- Shmonin D. V. (2021) *The mystery of response: An introduction to rational theology*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii Publ., Izgatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena Publ. (In Russian)
- Shmonin D. V. (2022) "Theology and Philosophy of Science: Problems of Identification", in *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 197–207. (In Russian)
- Shmonin D. V. (2022) *Theology and the University. Textbook for graduate students of theological specialties*. Moscow, Moscow Architectural Institute Publ. (In Russian)
- Taylor Ch. (2017) *A secular age*. Rus. ed. Moscow, St. Andrews's Biblical Theological Institute Publ. (In Russian)

Received: April 20, 2023

Accepted: May 22, 2023

Author's information:

Dmitrii V. Shmonin — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; d.shmonin@spbu.ru